

УДК 94(47).084.1/.3

С. М. Исхаков

**Ибрагим Ахтямов и Юлия Попова: из жизни социал-демократов
Южного Урала и Поволжья**

В статье рассматриваются малоизученные аспекты интереса мусульман к социалистическим идеям, анализируется с использованием широкого круга источников период становления и формирования социалистических взглядов И. Ахтямова и его спутницы жизни Ю. Поповой, двух типичных представителей русской и мусульманской интеллигенции многонациональных Оренбургской и Уфимской губерний, затрагиваются их межличностные отношения, показывается участие в революционной борьбе в начале XX века в России и в политической жизни Южного Урала 1917—1918 гг.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Южный Урал, Оренбургская губерния, Уфимская губерния, интеллигенция, ислам, религия, социал-демократия.

В пореформенной России налицо было нарастание недовольства властью в обществе, несмотря на все ее усилия возвеличить существующий самодержавный строй, верховную власть и внедрить в сознание масс, особенно молодежи, мысль о незыблемости такого порядка. «Брожение» в умах происходило повсеместно, в том числе среди молодежи «глухих» губерний Поволжья и Южного Урала, где распространением «крамольных» (социалистических) идей занимались, в частности, социал-демократы, представители дворянства — элита тогдашней империи, правящие круги которой хотели навязать консервативную идеологию подрастающим поколениям. Социал-демократы, учитывая многонациональный состав этих регионов и значительную численность мусульман, обращали внимание на их представителей, в особенности на интеллигенцию. Если о тех мусульманах, кто стал со временем большевиками, достаточно подробно написано в советской литературе, то о меньшевиках известно гораздо меньше и в современной историографии.

Данная статья имеет цель привлечь внимание к интереснейшей политической биографии Ибрагима Ахтямова и Юлии Поповой, к их жизни, неординарной, с одной стороны, с другой — типичной для представителей оппозиционной русской и мусульманской интеллигенции конца XIX — начала XX века, не претендуя при этом ни в коей мере на полноту освещения их судеб, которые, на мой взгляд, достойны специального монографического исследования, что потребует времени и больших усилий по сбору источников, разбросанных в архивах ряда городов, где жили и вели нелегальную работу эти молодые люди.

Мусульманских социалистов было немного. Ибрагим Абуссугудович Ахтямов был одним из них. После Февральской революции 1917 г. он сделал блестящую политическую карьеру как влиятельный политик такого крупного региона, как Уфимская губерния. Его жизнь, в том числе личная, и деятельность до сих пор не получили соответствующего освещения у современных историков из Уфы. О нем, разумеется, немного писали в общих трудах, но лишь как о противнике большевиков.

Родился Ибрагим 9 мая 1880 г. [1, с. 254] в Уфе в семье дворянина, чиновника, который позже стал депутатом 1-й Государственной думы и одним из руководителей мусульманского движения, охватившего всю Российскую империю. Старший брат Ибниамин Ахтямов (1877—1941) с 1898 г. учился в Петербургском университете, в 1899 г. исключен за участие в студенческих волнениях, в 1901 г. арестован в столице по делу «Комитета

© Исхаков С. М., 2017

рабочей организации», после трехмесячного тюремного заключения выслан в Уфу, где вновь арестован за хранение нелегальной литературы; с 1903 г. эсер. После революции 1905—1907 гг. окончил Петербургский университет, работал помощником присяжного поверенного и стал депутатом IV Государственной думы от Уфимской губернии. Довольно часто в историографии Ибрагима путали и путают со старшим братом.

В 1899 г. Ибрагим окончил уфимскую гимназию и поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. В июле 1900 г. он подал прошение ректору, где отметил, что «при более близком знакомстве моем с означенным факультетом я увидел, что науки, проходимые на нем, не соответствуют ни моим склонностям, ни моим способностям». Далее он просил о переводе на юридический факультет этого же университета. Но из-за того, что окончил гимназию не в Петербургском округе, такой перевод не состоялся. Ибрагим решил перевестись в Казанский университет. В конце октября 1900 г. он получил разрешение от Министерства народного просвещения учиться на юридическом факультете Казанского университета [24, л. 3, 27—29, 36].

В июне 1900 г., пишет казанский историк А. Хабутдинов, первый татарский социалист Ибрагим Ахтямов участвовал в совещании марксистов в Уфе, проведенном В. И. Лениным. До победы советской власти ни один татарский социал-демократ не имел больше контактов с Лениным [25]. Однако, во-первых, считать первым татарским социалистом его нельзя. Он действительно был наиболее известным социал-демократом (меньшевиком) из татар Поволжья и Южного Урала, но не первым. Во-вторых, участвовать в этом совещании не мог, так как членом РСДРП стал только в 1901 г. В анкете, которую Ахтямов заполнил в мае 1917 г. в Петрограде, он указал, что в партии состоит 16 лет [17, с. 625]. И в анкете, заполненной им в 1936 г., повторил, что участвовал в студенческом движении с 1901 г., а затем был выслан в Уфу [8, л. 1]. Никакой встречи с Лениным в 1900 г. у него не было. У юноши тогда были совсем другие планы.

На это проливает свет письмо Ибрагима своему брату, отправленное из Уфы 7 марта 1901 г. в Петербург: «Тебе должно быть известно уже, какая судьба постигла меня, т.е. что меня за участие в якобы “беспорядках” исключили (в феврале 1901 г. [24, л. 40]. — С. И.) без права поступления в Казанский университет и выслали в Уфу. Хуже всего, конечно, в моем положении то, что приходится жить в ненавистой для меня Уфе (в конце XIX в. царское правительство определило Уфимскую губернию и саму Уфу местом политической ссылки. — С. И.), да еще жить без определенных занятий, т.к. в земстве никаких работ пока нет, а уроков найти нелегко. Неприятность положения усугубляется неопределенностью его, т.к. я собственно не знаю, насколько охотно примут меня в другие университеты. Надеюсь, однако, ввиду предстоящ[ей] перемены в Минис[терстве] нар[одного] просвещения, попасть в Питер, тем более, что Евгения Николаевна Анцифрова, кажется, не против похлопотать за меня у Нератовых, которые (главн[ым] обр[азом] старик) имеют, конечно, большие связи в столице. Я еще не просил об этом официально, но, надеюсь, она не откажет, а она как кредиторша Нератовых и как близкая знакомая их имеет на них большое влияние. Так[им] обр[азом] открывается новая перспектива. Во всяком случае, в начале учебного года и даже немного раньше мне самому необходимо быть в Питере, так как в крайнем случае, если университеты откажутся принять (кроме Томского и Юрьевского, куда я сам не попаду), придется подавать на Высочайшее имя и вообще проявить возможно бóльшую активность».

Проя брату решить вопрос о своем будущем, Ибрагим далее предлагал: «Было бы, конечно, очень хорошо, если бы Рашид-эфенди приготовил почву, свел некоторые знакомства и, объявляя, конечно, меня своим родным племянником, закинул кой-куда словечко. Если он там останется, то при ходатайстве нужно будет встать на почву очень

близких родственных отношений между мной и им, напирая на то, что только благодаря отсутствию нравственной поддержки я увлекся пагубным примером товарищей и т. д.

Я, во всяком случае, решил на лето приехать в Питер, если, конечно, можно будет получить какую-либо работу. Вместе с этим письмом пишу Раулю Исмагиловичу (Курамшин — дядя Ибрагима, чиновник Государственного контроля доходов Николаевской, Петербурго-Варшавской, Юго-Западной и Московско-Брестской железных дорог, секретарь Мусульманского благотворительного общества в Петербурге. — *С. И.*), который еще с осени говорил о возможности найти мне работу в контроле. Кроме того, я просил бы тебя сходить к Рашиду-эфенди и поговорить с ним об этом. Я почему-то слишком верю во всемогущество его и мне думается, он при желании может найти что-либо подходящее. Попроси его об этом от моего имени. В Питер я направился бы в первых числах мая, заехал бы к тете (в Казань. — *С. И.*), запасся бы рекомендацией Евг[ени] Никол[аевны] к Нератовым и в путь. К этому меня побуждает, кроме необходимости начать зондировать почву относительно приема в университет вообще и Петербургский в частности, также и желание заниматься и заниматься серьезно и систематично, что при отсутствии книг в уфимской библиотеке, с одной стороны, и при прелестях летней деревенской природы, с другой, почти невозможно. К тому же хочется пожить в Питере на тот случай, если не удастся там остаться в университете. <...> На дорогу я постараюсь заработать здесь.

Упоминание о петербургских Нератовых наводит на мысль, что Ибрагим надеялся получить рекомендации от них. Достаточно указать на то, что, например, в столице тогда жил, в частности, сенатор А. И. Нератов, который происходил из дворян Казанской губернии, а его сын А. А. Нератов служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, занимая высокие должности. Видимо, к кому-то из них хотел обратиться за помощью Ибрагим.

Завершая это письмо, Ибрагим размышлял о недавнем прошлом и будущем страны: «Мне кажется эти года и в особенности последние три года едва ли пройдут бесследно для государственной жизни России, ибо правительствен[ные] репрессии, простирающиеся на все сферы обществен[ного] самоуправления, захватывающие в очень большой степени академическую жизнь, а также и печать, — эти репрессии начали находить отпор в довольно сильном обществен[ном] движении, с одной стороны, в виде хронических студенческих волнений и сочувствия к ним общества (демонстрации в Москве и Казани), с другой — все более и более демонстративного способа действия рабочего населения (говорят, в Москве рабочие явились в место заключения студен[тов] с требованием выпустить их; в Казани в день сходки студентов была сходка рабочих, как отголосок первой); и наконец, с третьей — в виде петиций об отмене “врем[енных]” “прав[ил]” со стороны либеральн[ой] части общества, которая до сих пор редко чем, кроме земских дел, проявляла свое сознательн[ое], так сказать, существование. Видеть во всем этом что-либо более слабых симптомов нельзя, но и умалять значение этих явлений не следует. Прежде всего, очень интересно будет знать, какое впечатление на общество произвела смерть Боголепова (министр просвещения, умер 2 марта 1901 г. после ранения, нанесенного ему бывшим студентом. — *С. И.*) и какой политики намерено придерживаться правительство в лице будущего министра. Если спустят слишком натянутые вожжи, то это значит почувляли опасность, если же их еще более натянут, то это ознаменует наступление николаевщины, следствием которой едва ли может быть мирное разрешение кризиса. Ну, да это вопрос будущего» [6, л. 2—5; 14, с. 81—82].

Письмо не только раскрывает душевное состояние бывшего «неблагонадежного» студента и его политические взгляды, но объясняет, какие на самом деле близкие родственные отношения имелись между такими будущими политиками, как братья Ахтямовы и

Абдрашад Ибрагимов (Рашид-эфенди), и какие связи были у последнего в столичных инстанциях и сферах.

Ибрагимов, уроженец Тобольской губернии, учился в медресе в Казанской губернии, затем работал учителем, в 1877 г. приехал в Стамбул, затем отправился в Мекку и Медину, где в течение четырех лет изучал ислам. В середине 1880-х гг. вернулся в Россию. В 1885 г. стал муллой в своем родном городе Таре и преподавателем в местном медресе. В 1892—1893 гг. являлся членом Оренбургского магометанского духовного собрания, затем совершил поездку в Египет, Алжир, Турцию и другие страны. В 1895 г. в Стамбуле была издана его книга «Чобан юлдузы» («Планета Венера»), и затем она нелегально распространялась в России. Книга вызвала сильный общественный резонанс во всем мусульманском мире, в том числе среди мусульман Российской империи. В 1900 г. ее автор вернулся в Петербург, где стал выпускать книги и брошюры по мусульманской тематике, быстро и без хлопот получив от властей соответствующее разрешение.

На фоне этих фактов некоторые современные исследователи представляют Ибрагимова даже в роли родоначальника исламского социализма — радикального общественно-политического движения, сочетающего мусульманские и социалистические ценности, — у татар, утверждая, что именно он заложил такие его принципы, как территориальная автономия, создание отдельных органов самоуправления, формирование мусульманского военного корпуса, использование достижений современной цивилизации для прогресса мусульман, политическое единство исламской уммы [11, с. 108, 140]. Такие рассуждения отражают стремление сильно преувеличить значение этого политика, на самом деле очень близкого к власти. Во время Первой русской революции именно он, мусульманский Гапон, оказался одним из руководителей религиозного движения, а после ее подавления вовремя отбыл из империи и вернулся только при советской власти, которой на этот раз стал полезен как красный мулла, агитировавший за эту власть.

Другим ценным источником для понимания настроения Ахтямова весной 1901 г. являются направленные ему в Уфу два письма его знакомой. Первое письмо она написала в середине марта этого года из Петербурга, где, обращаясь к нему по имени и отчеству, начала с того, что о разгоне полицией митинга на площади у Казанского собора в Петербурге 4 марта 1901 г. ему, вероятно, известно «из рассказов Бориса Нов.¹ и писем брата вашего». Далее она сообщила ему, что среди арестованных участников митинга были, в частности, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. «Теперь уезжаю домой — не могу оставаться — наши все уезжают 19 марта вечером. Завтра снимаемся с Лесгаф[том] и другими профессорами» [5, л. 1а]. Под впечатлением этой расправы над демонстрантами, избияния людей писала о том, что происходило там, где она училась: «На курсах делались истерики, обмороки... У всех нервы напряжены были донельзя» [5, л. 1]. Молодые курсистки были под большим влиянием передовых идей и сильно переживали за пострадавших от насилия, учиненного властью.

Имея в виду многих протестующих против таких действий власти, она отмечала: «В воскресенье собираются пойти на выставку и нести цветы к портрету Толстого — ему велели из Москвы уехать» [5, л. 1 об.]. 25 марта 1901 г. группа посетителей устроила на выставке передвижников перед картиной «Портрет Льва Николаевича», известной работы И. Е. Репина, демонстрацию сочувствия Толстому, отлученному от церкви за неделю до демонстрации 4 марта.

¹ Псевдоним. Имеется в виду Николаевский Борис Иванович (1887—1966) — уроженец г. Белебея близ Уфы, с 1899 г. учился в уфимской гимназии, с 1901 г. в социал-демократическом движении, до 1906 г. большевик, затем меньшевик. Работал в Петербурге, Самаре, Уфе и в других городах страны. В 1917 г. член ВЦИК. В 1918—1920 гг. как представитель ЦК меньшевиков ездил с поручениями от партии по всей России. С 1920 г. член ЦК РСДРП, в 1921 г. выслан из России.

С Ибрагимом автор письма была хорошо знакома и проявляла к нему явный интерес: «Как Вы себя чувствуете? Что поделяетесь и что думаете в будущем предпринять?» Далее делилась с ним своими проблемами: «У меня есть два плана на будущее. Хотела Вам послать еще одну вещь, но потом будет удобней». О своих намерениях она также ему написала: «Домой я еду на 1½ месяца. Вы, наверное, останетесь письмом недовольны — мало я говорила о злобе дня, но, право, опять рассказывать, опять переживать — не хочу. В эти дни начала курить — одурманишь голову и сидишь, как глупенькая, ни о чем не думаешь». Подписано это письмо так: Е[лена] Хол. [5, л. 1 об.], окончание фамилии неразборчиво.

Знакомство Ахтямова с Николаевским произошло в Уфе, скорее всего когда они были гимназистами. Интересно, что сам известный впоследствии знаток и историк революционного движения в России Николаевский много лет спустя писал об оренбургской гимназии так: «Одной из отличительных особенностей гимназии был весьма пестрый состав учащихся в отношении как социальном, так и национальном... Заметную группу среди учащихся составляли дети представителей национальных групп коренных обитателей края», которые «приносили в класс знакомство с другой стороной жизни края», в котором начиналось и национальное движение [19, с. 98, 99]. Автору легко было это описать, поскольку сам учился в подобной гимназии в Уфе. Между Николаевским и Ахтямовым, как следует из письма, были доверительные отношения. Очевидно, что они вместе обсуждали важнейшие политические события в стране, характеризуя их в «нежелательном» для власти духе.

В сентябре 1901 г. Ибрагиму Министерством народного просвещения было разрешено вновь стать студентом юридического факультета Казанского университета, из которого его вновь отчислили в апреле 1903 г. за революционную деятельность [24, л. 40].

Из другого письма, отправленного Ахтямову из г. Белебея Уфимской губернии приехавшей из Петербурга его знакомой, обнаруживается их общий интерес к оппозиционной деятельности. Судя по содержанию, письмо написано в апреле 1902 г. Его знакомая обратилась вновь к нему очень почтительно: «Что могу теперь написать Вам интересного, Ибрагим Абуссугудович? Из Питера Вы, верно, получаете письма, так что более или менее знакомы с текущим положением дел.

Я же могу только изливать свою хандру, которая не оставляет меня вот уже второй месяц. И дела мои плохи. Из Питера вызвали меня №№-ным количеством телеграмм — приехала я и нашла: правда много хуже, чем ожидала — у одной тетки по случаю моего несогласия приехать нервные припадки, мама тоже расхандрилась как никогда (что значит строить драмы из своей жизни!). Теперь с одной придется ехать на воды — для меня это пытка. И представьте, мне не позволяют мечтать не только ехать к началу мая, но и осени! Вы только подумайте! Но, конечно, это чепуха! “Я, говорит, к губернатору поеду”. Я поставлю условие одно, и они, конечно, меня отпустят. Здесь утешаюсь пока верховой ездой и удовлетворяю свои капризы — больше ничего не остается делать. Продолжаю заниматься — математикой, ботаникой. Как только приеду домой (река (Усень. — С. И.) разлилась и не придется ехать еще недели полторы), начну устраивать свои денежные дела и марш в Питер, иначе помрешь от хандры — чувствовать еще себя так месяц — не в силах» [5, л. 3, 4]. Так подействовала на нее местная «идиллия», все окружающее, от чего она пребывала в отчаянии, тоске.

Имея в виду своих соратников, она далее писала: «У нас прошел слух, что Мишка¹ сидит от 4 марта[,] не получала от него писем. Это меня немножко подбадривает, но ощущение долга неисполненного (какого? сама не знаю) давит здесь сильный².

¹ Имеется в виду М. И. Калинин.

² Так в тексте. Очевидно, следует: сильно.

Здесь есть какой-то ссыльный из Москвы — Полянский — я хочу с ним познакомиться <...> Не знает ли его в Уфе кто? <...>

Я с Вами не совсем согласна. Вы говорите, что студенты и в общем будут удовлетворены, если исполнят некоторые из их требований — так, но ведь общество и студенты, громадное число, только и ратовало за это, а о политике и слышать не хотят (дескать: принципиально не хотим брать ее на себя). Это, конечно, печально — но Вы скорый больно — Вы не можете не признать, что эти демонстрации имели прямо-таки воспитательное значение: все попавшиеся — это плотная стена стала. Те, кто о политике и слышать не хотел, и шли для отмены “врем[енных] прав[ил]”, теперь говорят другое — они поняли чего могут добиться “компактной” массой (эти слова одного жандармского — на допросе за 19 февраля меня спрашивал). А чтобы прямо дать им название “революции” — надо иметь розовые очки на глазах. Вот уже другая демонстрация — будет носить характер революции, но едва ли она скоро будет.

Что касается Клейгельса¹, то это чепуха — в газетах было, что вятского губернатора² наградили, но никуда его не перевели — след[овательно], и Клейгельс на своем месте. Как я его ненавижу!

Вы ничего не пишете о себе — мне очень интересно знать, что хотите Вы предпринять на будущий год?

Я вначале хотела уехать в Париж, но теперь так будет интересно жить в Питере, так много дела, что раздумала куда бы то ни было уезжать. У нас есть план на лето. Не знаю, удастся ли, это будет зависеть, достанем ли мы одну вещь и денег; у меня своих теперь ни гроша, а у родных ни за что не стану просить, если удастся где-нибудь занять, то дело почти в шляпе. Напишите мне поскорей все что знаете новенького. Из Питера я еще не получала ни одного письма — сама виновата: обещалась прислать свой адрес и только числа 2 апреля послала. Буду ждать и от Вас. Если узнаю что нового (из Питера), сообщу Вам», — писала Е[лена] Хол. [5, л. 4, 4 об., 4а об., 5].

Автором этих писем была, как удалось установить, сравнив почерки, Юлия Алексеевна Попова, у которой было несколько псевдонимов, в том числе «Елена Петровна». Она родилась в 1875 г. в Оренбурге в семье потомственного дворянина и учителя гимназии, а затем жила в Уфе примерно с 1892 г. Окончив здесь гимназию, в 1894 г. поступила на фельдшерские курсы в Казани, участвовала там в первых марксистских кружках в 1890-х годах. В 1897 г. уехала в Петербург, где окончила эти курсы в 1898 г. В революционном движении стала участвовать с 1898 г., стала членом РСДРП. Работала в Петербургской социал-демократической организации, занималась в кружках рабочих. В марксистском кружке рабочих на Путиловском заводе познакомилась с М. И. Калининым. Была арестована в 1898 г. и помещена в петербургский Дом предварительного заключения, где находилась 8 месяцев, а затем выслана в Казань. Здесь она работала в местных социал-демократических организациях, в рабочих кружках. Затем была переведена отбывать ссылку в Уфу, где вела агитацию среди железнодорожников. В 1900 г. в Уфе приходила на квартиру Н. К. Крупской. Оставив вскоре самовольно место уфимской ссылки, перешла на нелегальное положение и была направлена на партийную работу в Харьков. В 1902 г. в Харькове была арестована, но не назвала свою настоящую фамилию и выразила бурный протест, за что была помещена в тюрьму, откуда переведена в Харьковскую губернскую земскую психиатрическую больницу («Сабурову дачу»), где находилась больше месяца, а затем выслана вновь в Уфу [7, л. 6а, 13, 28, 28 об., 29, 29 об., 32], откуда попала в

¹ Клейгельс Николай Васильевич (1850—1916) — генерал-адъютант, петербургский градоначальник в 1895—1903 гг.

² Хомутов Павел Федорович (1856 — после 1919) — вятский губернатор в 1901—1904 гг.

Белебей. Именно этими обстоятельствами, надо полагать, была вызвана ее депрессия. Ибрагим и Юлия познакомились, скорее всего, в конце 1900 г. — начале 1901 г. в Казани, где участвовали в студенческом движении, оказывая влияние друг на друга. Юлия к тому времени была достаточно опытной революционеркой, имевшей связи в оппозиционных кругах Петербурга.

Ахтямов, будучи студентом Казанского университета, стал членом местной социал-демократической организации. В Казани ему было поручено вести партийную пропаганду среди татарского населения. «При моем участии изданы первые в России социал-демократические прокламации на татарском языке» [8, л. 11], — вспоминал он в 1936 г. Летом 1902 г., согласно данным властей, среди заводского и фабричного населения Казани образовалось несколько тайных кружков, нацеленных на достижение «политической свободы». В числе руководителей этого движения значился и Ахтямов, о котором было известно, что в августе 1902 г., познакомившись с несколькими рабочими завода братьев Крестовниковых, он организовал из них небольшой кружок и начал социал-демократическую пропаганду, снабжал рабочих соответствующими нелегальными изданиями, устраивал сходки, являлся одним из авторов антиправительственных воззваний и листовок. В ночь с 23 на 24 марта 1903 г. у членов кружка были проведены обыски, но ничего запрещенного, у Ибрагима в частности, не было обнаружено (даже писем его знакомой Ю. Поповой). Тем не менее вместе с другими революционерами его отправили в тюрьму, в которой он содержался до 16 сентября, а в декабре выслали в Иркутск под гласный надзор полиции. По данным казанской охранки, дело Ахтямова было единственным случаем участия мусульманина в подобной деятельности в губернии [14, с. 83].

В начале XX в. социалистические идеи не были сколько-нибудь популярными у образованных людей из мусульманской среды, хотя отдельные представители, немногие интеллектуалы из них, преимущественно из молодежи, с интересом отнеслись к ним, но влияние этих людей на мусульманские массы при этом было незначительным до падения самодержавия и распада Российской империи.

В ссылку в Сибирь он ехал вместе с И. В. Сталиным, о чем написал в письме Сталину от 4 августа 1931 г., вспомнив, как они в 1903 г. сидели в Самарской тюрьме, а затем были отправлены этапом в Красноярск, где вместе находились, пока их не разослали по местам их ссылок [23, л. 25]. В июле 1904 г., указывал Ахтямов в анкете, ему удалось бежать из ссылки за границу. Вскоре он каким-то образом оказался в Швейцарии. «Живя в Женеве под именем “Вениамин”, примкнул к меньшевикам», — писал в анкете в 1936 г. В Женеве в то время жили В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и другие политэмигранты из России. После Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. Ахтямов вернулся нелегально в Россию и работал в Харькове, где состоял членом местного социал-демократического комитета. В 1936 г. Ибрагим писал, что в сведениях, собранных без его участия, в биобиблиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» (т. 5, вып. 1), изданном в 1931 г. Всесоюзным обществом политических каторжан и ссыльнопоселенцев, допущена ошибка, заключающаяся в указании на то, что якобы он в Харькове состоял членом большевистской социал-демократической организации и лишь позже примкнул к меньшевикам. «Это неверно. К меньшевикам я, — писал Ахтямов, — примкнул, еще будучи за границей, и в Харькове состоял членом не большевистской, а меньшевистской организации» [8, л. 11, 12]. Таким образом, меньшевиком он стал только во второй половине 1904 г. Несомненно, он испытал влияние каких-то крупных меньшевистских мыслителей, скорее всего находившегося также в Женеве Г. В. Плеханова. Верность своему партийному выбору Ахтямов сохранил до конца жизни.

Он был не только последовательным, но и храбрым человеком. Так, в октябре 1905 г. участвовал в вооруженном восстании в Харькове, сражался на баррикадах. 29 октября арестован, но не за участие в беспорядках, а, по его выражению, «как нелегальный». В декабре был освобожден и уехал в Уфу. В конце декабря уфимские социал-демократы послали его на уральские заводы для ведения партийной работы, организации митингов. В феврале 1906 г. направили в Крым, где он работал в Крымском союзе РСДРП. В 1906 г. ему удалось восстановиться на юридическом факультете Петербургского университета. При этом Ибрагим выполнял отдельные партийные поручения. После окончания университета в 1908 г. решил вернуться в Уфу, где работал помощником присяжного поверенного. В таком качестве участвовал в политических процессах в Уфе, Златоусте, Сарапуле, Самарканде и др. [8, л. 11]. Участвовал также в издании первой легальной социал-демократической газеты на татарском языке «Урал», которая выходила в Оренбурге в январе — апреле 1907 г. при поддержке Уральского областного и Уфимского комитетов РСДРП.

Схожим путем протекала жизнь и его знакомой Ю. Поповой. Из Уфы в середине 1904 г. она бежала, перешла на нелегальное положение. Прибыла в Москву, где установила связь с большевистской организацией РСДРП и была направлена на партийную работу в Тулу, которую вела несколько месяцев. В 1904 г. ее арестовали; в тюрьме пробыла до февраля 1905 г., освобождена в 1905 г. по болезни. Затем отправилась в Одессу, где работала в большевистской организации РСДРП, в апреле 1905 г. приехала в Сорново, где в декабре 1905 г. участвовала в вооруженном восстании, а после его подавления в конце года уехала оттуда, жила в разных городах. В 1907 г. поселилась в Петербурге, в 1909 г. поступила здесь на Бестужевские курсы. В 1910 г. вернулась в Уфу и стала, по ее выражению, «жить в семье мужа» [7, л. 29, 29 об.] — Ибрагима. Поженились они в 1907 г., когда Ибрагим учился в университете [24, л. 47—48].

В Уфе Ибрагим активно участвовал и в легальной общественной жизни. В 1913—1916 гг. он являлся гласным Уфимской городской думы, пытаясь внести свой вклад в земскую деятельность в области образования, здравоохранения и др., в общественно-политическое и культурное развитие Уфимской губернии.

После Февральской революции 1917 г. Ахтямов стал 2 марта председателем Уфимского губернского комитета общественных организаций, председателем Комитета Уфимской (объединенной) организации РСДРП (март — июнь), председателем Уфимской организации партии меньшевиков (с сентября). Кроме того, как он писал в 1936 г., в 1917 г. «некоторое время состоял председателем Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов» [8, л. 12]. Этот важный факт отсутствует в историографии.

Когда 2 марта 1917 г. в Уфе состоялось собрание социал-демократов, которые образовали временный Уфимский комитет объединенной (большевиков и меньшевиков) организации РСДРП (9 большевиков, в том числе А. Д. Цюрупа, Н. П. Брюханов, А. И. Свидерский, и 4 меньшевика), председателем этого комитета, который взял на себя функции губернского партийного центра, стал также Ахтямов [21, с. 139]. В создании этой объединенной организации участвовала и его жена [7, л. 30 об.].

В середине марта Ахтямов находился в Петрограде, где мусульманская фракция Государственной думы с целью подготовки всероссийского мусульманского съезда организовала совещание мусульманских общественных деятелей, в котором участвовали думцы-мусульмане, члены бюро при фракции и представители мусульманского населения, специально прибывшие из Крыма, Москвы, Поволжья, Сибири, Урала и др. Совещание признало необходимым организовать в Петрограде Временное центральное бюро российских мусульман (ВЦБРМ), которое с первых дней своего существования приступило

к собиранию сил, организации, развертыванию политической работы в массах. Бюро решало самые разнообразные вопросы текущей политики, пропаганды и агитации, издательской работы. Главным делом этого бюро был созыв общего съезда мусульман всей империи. 17 марта 1917 г. состоялось первое заседание ВЦБРМ, в которое вошли представители мусульманских народов из разных частей страны. Среди них был и Ахтямов. Он, согласно протоколам, участвовал в заседаниях этого бюро 18, 20 и 25 марта [27, б. л.], представляя интересы всех мусульманских народов Уфимской губернии.

21 марта в Уфе был образован Уфимский уездный комитет общественных организаций, в котором на Ахтямова возложили обязанности председателя общих собраний [18, с. 73].

Вновь он прибыл в Петроград в конце апреля 1917 г. Здесь 24—29 апреля состоялась VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Во время конференции Ахтямов встретился со Сталиным [8, л. 12], который сделал доклад по национальному вопросу. Надо полагать, Ахтямов интересовался тем, как большевики намерены решать национальный, в том числе мусульманский, вопрос. Затем он отправился в Москву.

Здесь 1—11 мая 1917 г. проходил подготовленный ВЦБРМ всероссийский мусульманский съезд, который стал знаменательным событием в общественно-политической жизни мусульман страны. В работе съезда приняли участие 900 делегатов — представителей всех мусульманских народов империи. Среди участников были почти все депутаты четырех государственных дум, много офицеров и солдат, около 300 мулл, группа мусульманок со всех концов страны (около 100, почти $\frac{3}{4}$ из них студентки и выпускницы высших учебных заведений), которые впервые на съезде мусульман стали его равноправными участниками.

При открытии съезда 1 мая в президиум съезда были избраны несколько наиболее авторитетных политиков, в том числе Ахтямов. 2 мая он был председателем заседания, которое определило весь ход съезда. Ведя заседание по-русски, он сказал, что перед съездом стоит очень много важных задач, что пора стать на путь их разрешения. После приветственных речей делегатов он от имени президиума внес на утверждение регламент работы съезда, который был принят [26, с. 47, 83, 84, 99—105]. Съезд остановился на следующих вопросах: форма государственного управления, аграрный, женский и рабочий вопросы, культурно-просветительные нужды, духовная организация, организация вооруженных сил, вопросы окраин и ряд организационных и тактических вопросов, связанных с предстоящими выборами в Учредительное собрание. 11 мая, в последний день работы, съезд выбрал Всероссийский мусульманский совет (ВМС) из 30 человек, а он — свой Исполнительный комитет. Ахтямова избрали членом ВМС, но к концу работы съезда его не было там.

Ахтямов уехал из Москвы в Петроград, где 7—12 мая проходила Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. 7 мая он, имея право делегата с решающим голосом, присутствовал на этой конференции и записался для работы в земельной и национальной секциях [17, с. 282, 283, 613, 616]. Если в середине апреля в возглавляемой им Уфимской объединенной организации насчитывалось 120 членов [21, с. 141], то к маю почти 500 [17, с. 668].

20 мая на заседании Исполкома ВМС было решено направить телеграмму в Уфу Ахтямову: «Исполнительный комитет Всероссийского мусульманского совета извещает вас, что вы избраны мусульманским съездом в члены мусульманского совета. Прошу сообщить о вашем согласии» [15], — писал глава ВМС и его исполкома меньшевик А. Цаликов.

25—27 мая состоялась I Уфимская губернская конференция РСДРП. К этому времени в 10 ее организациях насчитывалось 3058 членов [21, с. 148]. 1 июня в Уфе состо-

ялось общее собрание Уфимской организации РСДРП, на котором Ахтямов выступил за укрепление власти коалиционного Временного правительства. Большинство голосов были приняты большевистские резолюции. В знак протеста Ахтямов решил отказаться от председательствования в организации [16, с. 65—66]. 4 июня Уфимский комитет РСДРП отстранил Ахтямова от обязанностей председателя и члена президиума комитета. Новый председатель вплоть до октября 1917 г. не избирался. Фактически его обязанности исполнял Н. П. Брюханов [21, с. 150].

8 июня на заседании Исполкома ВМС в Петрограде была оглашена телеграмма, поступившая от Ахтямова: «Избрание меня в Совет состоялось вопреки моему категорическому отказу. По принципиальным основаниям принять его не могу» [9]. Причина такого отказа, на мой взгляд, в том, что цель ВМС заключалась в установлении в будущем российском государстве культурно-национальной автономии для мусульманских народов, а Ахтямов следовал решениям майской меньшевистской конференции, на которой была декларирована широкая политическая автономия для областей, отличающихся как национальными и этнографическими, так и культурно-историческими и социально-экономическими особенностями. Границы этой автономии и взаимоотношения между автономиями должны быть установлены Всероссийским Учредительным собранием. При этом меньшевики не конкретизировали свои подходы, отложив обсуждение национальной проблемы на следующую общепартийную конференцию [17, с. 446—447]. После такого ответа принципиальный Ахтямов был выведен из состава ВМС.

14 июля состоялось первое собрание меньшевистской фракции Уфимской организации РСДРП, на котором присутствовали около 70 человек, главным образом железнодорожники. Председателем президиума был избран Ахтямов [12, с. 25].

6 сентября меньшевики, фактически изгнанные из Уфимской организации, создали самостоятельную организацию, насчитывавшую 90—100 человек, которую возглавил Ахтямов [13, с. 212]. В этот день меньшевики выступили с заявлением о выделении членов своей фракции в особую организацию. Поводом послужил отказ большевиков от коалиции с меньшевиками на выборах во Всероссийское Учредительное собрание [12, с. 25].

Известие о победе вооруженного восстания в Петрограде 25 октября 1917 г. не вызвало у него поддержки. 26 октября на заседании исполкома Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов он как лидер уфимских меньшевиков заявил, что последние не примут участия в работе новой революционной власти [22, с. 227]. На заседании Уфимской городской думы 30 октября именно его избрали председателем этого чрезвычайного собрания, посвященного отношению к захвату власти в столице [20, с. 27].

Ахтямов был выдвинут в члены Всероссийского Учредительного собрания по двум избирательным округам — Оренбургскому (от Оренбургской губернской организации РСДРП (меньшевиков)) и Уфимскому (от меньшевиков РСДРП (объединенной)) [3, с. 244, 291, 527]. В списке 11 кандидатов, выдвинутых уфимскими меньшевиками, Ахтямов значился на первом месте [10]. Но на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся 12 ноября, ему не удалось стать его депутатом.

После установления в Уфе советской власти Ахтямов продолжал адвокатскую деятельность, а его жена работала в Уфимском губпродкоме [7, л. 1, 7]. После того как летом 1918 г. части Красной Армии отступили из Уфы, на первых порах власть в городе и губернии взял на себя Временный комитет Уфимской городской думы, созданный в начале июля 1918 г. эсерами и меньшевиками — гласными упраздненной городской думы [13, с. 237]. Как лидер уфимских меньшевиков Ахтямов стал членом этого комитета [2, с. 151]. Во время выборов в Уфимскую городскую думу, которые состоялись в сентябре 1918 г., Ахтямов и его жена находились в одном списке № 2 [4, л. 1] — меньшевист-

ском. В сентябре 1918 г. он был участником Уфимского государственного совещания. С уходом белых из Уфы в 1919 г. они с женой отправились в Сибирь, где оказались в г. Петропавловске, который в 1919—1921 гг. являлся уездным городом Омской губернии РСФСР. В 1920 г. Ахтямов работал в Киргизской секции Петропавловского уездного исполкома Петропавловского Совета рабочих депутатов, затем с женой вернулся в Уфу, где она снова стала работать в Уфимском губпродкоме. В 1921 г. Ибрагим был, как отмечала его жена, вызван М. И. Калининым в Москву [7, л. 1, 7, 11 об.]. Приезд в Москву был связан с тем, что Ахтямовы в Уфе опасались проходившей тогда по всей стране антименьшевицкой кампании, когда аресты и ссылки коснулись многих бывших однопартийцев.

В этой ситуации Ахтямовым помогли не только Калинин, но и другие их знакомые по дореволюционной партийной работе. В 1921 г. он встретился в Москве со Сталиным [23, л. 25]. В 1921—1923 гг. Ахтямов работал юристом в Центральном союзе потребительских обществ СССР в Москве и жил с женой в центре столицы. Затем получил еще более ответственную работу. С 1923 г. стал членом Московской городской коллегии защитников [8, л. 11], которая была создана на основании принятого в 1922 г. первого Положения об адвокатуре в РСФСР с целью укрепления революционной законности и правильной организации социалистического правосудия. Без соответствующей рекомендации попасть на такую работу бывшему меньшевику было невозможно. Когда, например, в 1931 г. у него возникла серьезная проблема, то он написал Сталину, прося оказать помощь, подчеркнув «неисчислимые несчастья, свалившиеся за последнее время на меня и моих близких» [23, л. 25]. Ахтямов по-прежнему опасался мести своих земляков-партийцев, ставших к тому времени довольно крупными партийными и государственными деятелями. Надо полагать, что Сталин не оставил без внимания просьбу Ахтямова. Репрессии не коснулись Ахтямовых. Умер Ибрагим после болезни 14 октября 1936 г. в Москве [8, л. 5], а не в 1931 г., как указано в уфимской и казанской энциклопедиях, которые использовали ошибочную дату из биографического указателя «Очерков истории Башкирской организации КПСС», составленного работниками Партийного архива Башкирского обкома КПСС (Уфа, 1973, с. 677).

Одним из главных оппонентов Ахтямова являлся Б. Н. Нимвицкий¹, тоже уфимский гимназист и его знакомый юношеских лет. После смерти Ахтямова, не прекращая своих попыток создать уже Ахтямовой различные проблемы, он, например, написал в начале июня 1941 г. наркому социального обеспечения РСФСР А. П. Гришакковой об Ахтямовой: «...весь 1917 год и далее она во главе с мужем Ахтямовым Ибрагимом, лидером местных меньшевиков, возглавляла уфимскую контрреволюцию и была меньшевичкой. В 1918 г. эвакуировалась с белыми в Сибирь». Ахтямова же отвечала на эти обвинения так: «Меньшевичкой я никогда не была». За нее вновь заступился Калинин. Юлия Алексеевна скончалась в Москве в 1943 г. [7, л. 1, 6, 7, 12]

Таким образом, политическая биография Ибрагима Ахтямова и Юлии Поповой представляет собой несомненный интерес с различных точек зрения. Ясно, что они — люди своего времени, своей культуры, определенного типа мышления. Ибрагим — представитель татарского дворянства, интеллектуальной мусульманской элиты Поволжья и Южного Урала, очень критически относился к проводимой царской властью внутренней политике. Он в 1901 г. писал, что поэтому в стране невозможно «мирное разрешение

¹ Нимвицкий Борис Николаевич (1885—1969) — дворянин, учился в уфимской гимназии, член РСДРП с 1903 г., принимал участие в революционном движении в Уфе, Казани, Петрограде. В 1907—1914 гг. в эмиграции. В 1917—1918 гг. член Колпинского и Петроградского советов солдатских и рабочих депутатов, Петроградского комитета РСДРП(б), председатель Колпинского ревкома. Член Всероссийского Учредительного собрания. В 1918—1923 гг. на партийной работе в Уфе (ответственный секретарь Уфимского губернского комитета РКП(б) (1920—1922) и Башкирского областного комитета ВКП(б) (1922—1923).

кризиса», т.е. революция неизбежна. В начале XX в. стал одним из лидеров мусульманских социал-демократов (меньшевиков).

Юлия — русская дворянка, типичный представитель средних слоев, образованная и оппозиционно настроенная студентка, знакомая со многими будущими руководителями советского государства и большевистской партии. Знакомство с Ахтямовым произошло, скорее всего, в Казани, когда их пути пересеклись: Ибрагим участвовал в студенческом движении, а Юлия вела партийную работу в рабочих кружках, примыкала к большевикам. Через несколько лет они вступили в брак и вскоре стали жить в Уфе. Их семейно-брачные отношения сложились под влиянием не только хозяйственно-культурного взаимодействия местных тюркских народов с русским населением, но и демократизации внутрисемейных отношений с обеих сторон, сближения их жизненно-бытовых укладов.

После Февральской революции 1917 г. на Южном Урале и в Поволжье представителей мусульманского населения в Советах было сравнительно немного. Отношения Советов с этой категорией населения обычно не складывались, хотя встречались исключения, как в Уфе. Здесь отличился Ибрагим Ахтямов, который в 1917 г. стал влиятельным региональным политиком, объединяющим многочисленные народы губернии. Тот факт, что социалист-мусульманин возглавлял губернский Комитет общественных организаций, губернский Комитет РСДРП, губернский Совет рабочих и солдатских депутатов, с одной стороны, не имеет аналогов в истории революционного 1917 г. на территории всей бывшей Российской империи, с другой — представляет собой яркий факт происходившей повсеместно демократизации общественной и политической жизни обанкротившейся самодержавно-православной империи и одновременно возникавшего еще при ее закате межкультурного взаимодействия, общения, соприкосновения традиций и их преодоления. В итоге Ахтямовы представляют собой новый тип личности, а их брак — показатель межэтнического взаимного сближения. Их союз оказался прочным, так как они восприняли религиозные, психологические и культурно-бытовые традиции народов, представителями которых являлись.

Список использованных источников и литературы

1. Башкирская энциклопедия. Т. 1. Уфа, 2005.
2. Башкирская энциклопедия. Т. 2. Уфа, 2006.
3. Всероссийское Учредительное собрание. Энциклопедия. М., 2014.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10073. Оп. 2. Д. 615.
5. ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 326.
6. ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 329.
7. ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 9768.
8. ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 4. Д. 5218.
9. Известия Всероссийского мусульманского совета. 1917. 7 июля
10. Известия Уфимского губернского комиссариата. 1917. 19 окт.
11. Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань, 2004.
12. История Башкортостана. 1917—1990-е годы : в 2 т. Т. 1. Уфа, 2004.
13. История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1976.
14. Исхаков С. М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007.
15. Каспий. 1917. 7 июля.
16. Легендарные имена. 1-е изд. Уфа, 1987.
17. Большевики в 1917 году : в 3 т. Т. 1. М., 1994.
18. Мордвинцев Г. В. Март 1917 г. в Башкирии (Хроника событий). Уфа, 1997.
19. Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995.
20. Октябрь в Башкирии : сб. документов и материалов. 2-е изд., доп. Уфа, 1987.
21. Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973.

22. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.) : сб. документов и материалов. Уфа, 1957.
23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 698.
24. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 36818.
25. <http://www.islamrf.ru/news/culture/history/17169>
26. Ilgar I. Rusya'da Birinci Müslüman Kongresi Tutanakları. Ankara, 1990.
27. Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen, l'École des hautes études en sciences sociales (Paris). Archives d'Ali Mardan-bey Topchibachi. Carton n° 6.

Поступила в редакцию 08.06.2017

Исхаков Салават Мидхатович, доктор исторических наук
Институт российской истории Российской академии наук
Российская Федерация, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
E-mail: rusrevref@mail.ru

UDC 94(47).084.1/3

S. M. Iskhakov

Ibragim Akhtyamov and Yulia Popova: from life of social-democrats of Southern Urals and Volga region

The article considers the poorly studied aspects of Muslims' interest in socialist ideas, analyses the period of formation of socialist views of I. Akhtyamov and his companion of life Yu. Popova, two typical representatives of the Russian and Muslim intelligentsia of multinational Orenburg and Ufa provinces. The paper mentions their interpersonal relations, shows their participation in revolutionary fight at the beginning of the XX century, their activity in political life of the Southern Urals in 1917—1918.

Key words: revolution, Civil war, the Southern Urals, Orenburg province, Ufa province, intelligentsia, Islam, religion, social-democracy.

Iskhakov Salavat Midhatovich, Doctor of Historical Sciences
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 117036, Moscow, ul. Dm. Ulyanova, 19
E-mail: rusrevref@mail.ru

References

1. *Bashkirskaya entsiklopediya* [Bashkir Encyclopedia]. Vol. 1. Ufa, 2005. (In Russian)
2. *Bashkirskaya entsiklopediya* [Bashkir Encyclopedia]. Vol. 2. Ufa, 2006. (In Russian)
3. *Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie. Entsiklopediya* [All-Russian Constituent Assembly. Encyclopedia]. Moscow, 2014. (In Russian)
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archives of the Russian Federation] (GARF). F. 10073. Op. 2. D. 615.
5. GARF. F. 1167. Op. 3. D. 326.
6. GARF. F. 1167. Op. 3. D. 329.
7. GARF. F. A-539. Op. 3. D. 9768.
8. GARF. F. A-539. Op. 4. D. 5218.
9. *Izvestiya Vserossiiskogo musul'manskogo soveta* [News of the All-Russian Muslim Council]. 1917. July 7. (In Russian)
10. *Izvestiya Ufimskogo gubernskogo komissariata* [News of the Ufa province commissioner's office]. 1917. Okt. 19. (In Russian)
11. *Islam na evropeiskom Vostoke. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam in the European East. Encyclopedic Dictionary]. Kazan', 2004. (In Russian)
12. *Istoriya Bashkortostana. 1917—1990-e gody: v 2 t.* [History of Bashkortostan. 1917—1990-s: in 2 vols]. Vol. 1. Ufa, 2004. (In Russian)

13. *Istoriya Ufy. Kratkii ocherk* [History of Ufa. Short essay]. Ufa, 1976. (In Russian)
14. Iskhakov S. M. *Pervaya russkaya revolyutsiya i musul'mane Rossiiskoi imperii* [The First Russian Revolution and the Muslims of the Russian Empire]. Moscow, 2007. (In Russian)
15. *Kaspii*, 1917, July 7. (In Russian)
16. *Legendarnye imena* [Legendary names]. Ufa, 1987. (In Russian)
17. *Men'sheviki v 1917 godu: v 3 t.* [The Mensheviks in 1917: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow, 1994. (In Russian)
18. Mordvintsev G. V. *Mart 1917 g. v Bashkirii (Khronika sobytii)* [March 1917 in Bashkiria (Chronicle of events)]. Ufa, 1997. (In Russian)
19. Nikolaevskii B. I. *Tainye stranitsy istorii* [Secret Pages of History]. Moscow, 1995. (In Russian)
20. *Oktyabr' v Bashkirii: sb. dokumentov i materialov. 2-e izd.* [October in Bashkiria: a coll. of documents and materials. 2nd ed.]. Ufa, 1987. (In Russian)
21. *Ocherki istorii Bashkirskoi organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Bashkir organization of the CPSU]. Ufa, 1973. (In Russian)
22. *Podgotovka i provedenie Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii v Bashkirii (fevral' 1917 g. — iyun' 1918 g.): sb. dokumentov i materialov* [Preparation and realization of the Great October Socialist Revolution in Bashkiria (February 1917 — June 1918): a collection of documents and materials]. Ufa, 1957. (In Russian)
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archives of Social and Political History]. F. 558. Op. 11. D. 698.
24. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archives of St. Petersburg]. F. 14. Op. 3. D. 36818.
25. Available at: <http://www.islamrf.ru/news/culture/history/17169>.
26. Ilgar I. *Rusya'da Birinçi Müslüman Kongresi Tutanakları*. Ankara, 1990.
27. Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen, l'École des hautes études en sciences sociales (Paris). *Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi*. Carton n° 6.